

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Г л а в а XXV ¹⁾.

Въ послѣднія минуты нашего отъѣзда изъ столицы фатальный образъ Мурада игрою случая, какъ въ сновидѣніи, мелькнулъ передо мной. Это было такъ. Шлюпка, перевозившая насъ къ пароходу, выбираясь изъ толчеи гавани, едва не врѣзалась носомъ въ большой двадцативесельный каякъ, мчавшійся отъ дворцовой пристани Чирагана по направленію къ Принцевымъ островамъ.

— Падишахъ!—въ благоговѣйномъ ужасѣ прошепталъ лодочникъ-турокъ и сильнымъ гребкомъ откинулся назадъ.

Она имѣла видъ прелестной игрушки, эта султанская яхточка: балдахинъ пурпуроваго цвѣта осѣнялъ весь ея корпусъ изъ лакированнаго дерева, великолѣпно разрисованнаго и украшеннаго тонкой рѣзьбой; гребцы въ бѣлыхъ, роскошныхъ костюмахъ и красныхъ фескахъ съ длинными, золотыми кистями дополняли эффектъ.

Теченіемъ насъ заставило держаться минуту, другую подъ угломъ къ ней, благодаря чему я хорошо видѣла сидѣвшаго въ кормѣ на подушкахъ несчастнаго Мурада: что-то несказанно жалкое, беспомощное во всемъ его обликѣ и дикій, растерянный взглядъ произвели на меня крайне грустное, тяжелое впечатлѣніе, а низко опущенная голова такъ ясно выражала, какимъ страшнымъ гнетомъ давила ее корона Османовъ. Вокругъ него размѣщались въ непринужденныхъ позахъ сановники и адъютанты; но въ противоположность мрачному настроенію своего повелителя они, видимо,

¹⁾ См. „Русская Старина“, май 1912 г.

чувствовали себя прекрасно. Между ними находилась большая тогда знаменитость, Редивъ-бей: онъ первый, какъ уже было извѣстно, арестовалъ покойнаго Абдуль-Азиса и собственноручно перерѣзалъ ему пульсовые вены—отсюда и пошла его слава...

Въ пути, изъ разговоровъ съ пассажирами я узнала, что больного султана каждый день утромъ и вечеромъ катали по Босфору якобы для того, чтобы разсѣять досадные слухи, ходившіе въ народѣ, о его сумашествіи.

Итакъ, мы вернулись домой въ наше тихое убѣжище, вѣчно зеленый, цвѣтущій Хиосъ, самый очаровательный уголокъ классическаго Архипелага.

Ровно черезъ три мѣсяца послѣ майскаго переворота, почти даже число въ число, моя тетушка и я сидѣли вдвоемъ, такъ же какъ въ тотъ историческій день, у открытаго окна, выходившаго на сѣверъ, и лѣниво просматривали газеты, гдѣ по-прежнему тянулась безконечная сказка о вѣроломныхъ дѣйствіяхъ генерала Игнатъева на Балканахъ...

Стоялъ жаркій полдень. Природа, истомленная зноемъ, дремала въ ослѣпительныхъ лучахъ огненнаго диска, горѣвшаго на южномъ небосклонѣ; раскаленный воздухъ трепеталъ, создавая эффекты миражей надъ горизонтомъ; но въ комнатѣ было такъ уютно, такъ прохладно отъ близости моря, что хотѣлось забыть весь міръ, ровно ни о чемъ не думать, а только любоваться изумрудной волной, сонливо шуршавшей у основанія дома.

Какъ вдругъ оглушительный ревъ канонады съ валовъ крѣпости, а также съ материка изъ Чесмы раскатился грознымъ эхомъ и наполнилъ отъ земли до неба всю атмосферу.

Что такое? опять какое-нибудь важное событіе: побѣда турецкихъ войскъ, султанскій фирманъ или еще что-то необыкновенное?!

— Тафти-бей!—распахивая двери и пропуская впередъ адъютанта Кіамиль-паши, доложилъ кавасъ.

Я не вскрикнула, потому что не хватило голоса, и вотъ лишь на одно мгновеніе блеснулъ мнѣ прямо въ глаза суровый, холодный до жестокости взглядъ, а затѣмъ густая, туманная пелена опустилась между нами.

— Пожалуйте за мной въ кабинетъ—мужъ тамъ! — отчетливо прозвучали слова Marie, и шаги стали удаляться.

Ошеломленная, словно ударомъ грома, я не двигалась: только въ ушахъ невыносимо больно раздавался шумъ выстрѣловъ, да яркія, огнистыя точки и спирали назойливо мелькали предо мной: онѣ дрожали, сливались, уплывали и снова зажигались вездѣ. Наконецъ головокруженіе прекратилось.

— Итакъ все кончено! Значить, я сама легкомысленно прошла мимо счастья!—съ неудержимой быстротой надвигались мысли, а въ груди колотилось сердце, какъ птица, запутавшаяся въ сѣтяхъ ловца; но я поняла тогда же съ поразительной ясностью, что бороться съ роковой страстью къ этому человѣку для меня было уже невозможно...

— Теперь я знаю, почему Ибрагимъ не исполнилъ своей клятвы, — болѣзненно ныло въ душѣ: — это возмездіе, конечно, за Египетъ и его ревнивыя подозрѣнія—ахъ, если бы умереть сейчасъ!...

— Поздравляю тебя съ новымъ султаномъ, Eugénie!—улыбаясь, сказала мнѣ тетушка, вернувшись изъ кабинета, гдѣ оставила Тафти съ дядей: — ну, отгадай кто? Аа!.. протянула она, мѣняя тонъ, замѣтивъ на моемъ лицѣ еще не остывшіе слѣды жестокаго потрясенія: — что съ тобой?.. а мы думали, и намъ казалось... Въ такомъ случаѣ придется отправить тебя во Францію на нѣсколько мѣсяцевъ—другого исхода не вижу пока...

Уѣхать изъ Хиоса и потерять все, даже иллюзію—нѣтъ! нѣтъ! Но еще болѣе ужаснула меня перспектива жизни у ея родственниковъ, чопорныхъ ханжей, знаменитой въ Лангедокѣ семьи d'Antin, замокъ которыхъ представлялъ собою настоящую цитадель святыхъ отцовъ Игнаціо Лойолы, выселенныхъ тогда изъ Парижа, и гдѣ время проводилось только въ рамкахъ католической набожности.

— Тетя!—вскрикнула я, не помня себя, охваченная снова приступомъ дурноты и падая на колѣни: — клянусь вамъ, ничего уже нѣтъ, и рѣшительно ничего не осталось между нами — вы сами развѣ не замѣтили сейчасъ, что онъ даже не раскланялся со мной хотя бы изъ приличія... ну, я также ненавижу его!..

— Да успокойся, ради Бога — вѣрю тебѣ, вѣрю и радуюсь сердечно, если ты дѣйствительно образумилась,—говорила моя добрая, великодушная тетушка, съ нѣжнымъ порывомъ обнимая меня: — а теперь уходи къ себѣ,—добавила она, прислушиваясь къ голосамъ въ кабинетѣ:—онъ сейчасъ пройдетъ здѣсь, мимо...

Горько и темно было на душѣ, что приходилось бѣжать отъ встрѣчи съ тѣмъ, кого хотѣлось бы видѣть всегда...

Къ пяти часамъ меня позвали въ столовую: туда уже явились приглашенные обѣдать у насъ синьоръ Паскуа; духовникъ тети Магіе патеръ Вентура, недавно вернувшійся изъ командировки въ Римъ съ громаднымъ запасомъ политическихъ сплетенъ, и плантаторъ Варваца, имѣвшій дѣловыя сношенія черезъ наше агентство по экспорту въ Россію оливковаго масла. Разговоръ держался, конечно, на тему о новомъ султанѣ. Оффиціальное извѣщеніе, переданное дядѣ Тафти-беемъ, комментировались на всѣ лады. Я также

заглянула въ него и прочла буквально то же самое, что и 30 мая: только имя лишеннаго Оттоманской короны было Мурадъ V, а восшедшаго на тронъ полумѣсяца Абдуль-Гамидъ II. Въ другой бумагѣ отдѣльно заключалось любезное приглашеніе на раутъ къ 8-ми часамъ вечера 2 сентября.

Это захватило меня врасплохъ, и горячая волна хлынула къ сердцу:—я увижу его: онъ будетъ тамъ,—проносила въ головѣ, озаряя глубину моей души лучемъ надежды...

Что представлялъ собой Абдуль-Гамидъ, кто онъ и откуда явился на горизонтѣ міровой исторіи, такъ какъ о существованіи его большинство населенія даже не подозрѣвало? Вотъ тѣ вопросы, которые пока еще не находили себѣ отвѣта. Правда, что переворотъ этотъ никого не поразилъ удивленіемъ: такъ или иначе, а его ожидали съ минуты на минуту; но людямъ, не посвященнымъ въ софистическіе извороты и всякія мудренныя лазейки дипломатіи, казалось чрезвычайно страннымъ и необъяснимымъ, почему либеральная партія, съ Мидхатъ-пашою во главѣ, желавшая сама помимо султана заправлять дѣлами государства, не удержала на престолѣ такого монарха, лучше котораго для ея честолюбивыхъ затѣй нельзя было бы нарочно придумать, да еще любимаго всемогущей Англіей?

Наши гости спорили, волновались, но загадку такъ никто и не разгадалъ.

Зато на другое утро, едва мы проснулись, а волны Эгейскаго моря уже принесли намъ цѣлый ворохъ удивительныхъ вѣстей, подслушанныхъ ими въ голубомъ Босфорѣ: „его величество Абдуль-Гамидъ“,—разсказывала Константинопольская пресса:—всегда былъ убѣжденнымъ и фанатичнымъ поклонникомъ самой широкой конституціи съ неограниченнымъ равноправіемъ для всѣхъ безъ исключенія народностей въ Оттоманской державѣ...

Затѣмъ, при дальнѣйшемъ чтеніи мы узнали, какъ говорится, всю подноготную „либеральнаго“ султана, и вотъ что оказалось: въ началѣ кризиса, когда дѣйствительно уже стало невозможнымъ скрывать безуміе Мурада, то въ дворцовыхъ сферахъ рѣшено было предложить корону популярному Юсуфъ-Иззедину, любимцу и кумиру турецкой арміи; но это не отвѣчало политикѣ британскаго кабинета и диктаторскимъ стремленіямъ Мидхатъ-паши. Тогда по камертону изъ Лондона на арену борьбы вышелъ никому невѣдомый принцъ Гамидъ, и переворотъ совершился подъ звуки хвалебнаго гимна европейскаго концерта державъ, а репортеры газетъ, не жалѣя типографскихъ красокъ, рисовали его духовный обликъ съ такой убѣдительною точностью, какъ будто бы они десятки лѣтъ проживали съ нимъ въ одной комнатѣ.

Режиссеръ этой дипломатической оперетки, Мидхатъ-паша, также увѣрялъ публику, что новый султанъ на протяженіи всего царствованія Абдуль-Азиса тайно принадлежалъ къ партіи „Молодая Турція“ и называлъ его избавителемъ страны отъ Московскаго варварства, идеаломъ конституціоннаго монарха, обѣщая за него переустройство государства на принципахъ свободы и равенства христіанъ съ мусульманами.

Съ чего однако Европѣ пригрезилось тогда, что Абдуль-Гамидъ исповѣдывалъ *credo* парламентаризма—остается вопросомъ и по сіе время нерѣшеннымъ?

Когда же этотъ проникнутый якобы насквозь западными идеями младотурокъ внезапно и рѣзко повернулъ фронтъ, обнаруживъ себя рѣшительнымъ сторонникомъ абсолютной власти, то разочарованные мечтатели въ глубокомъ изумленіи спрашивали другъ друга: „какъ могло такъ случиться: мы же собственными руками усадили на престолъ западника, а вдругъ оказался восточный деспотъ?! Интересно, кто кого одурачилъ—неужели русская дипломатія поумнѣла? Ну, нѣтъ! куда ей тамъ, убогой, прозѣвавшей даже Абдуль-Азиса—здѣсь, конечно, не ея разума дѣло; тогда кто же? кто? Непостижимо!..

Но удивляться пришлось не слишкомъ долго: на Берлинскомъ конгрессѣ узнали, наконецъ, гдѣ именно и у кого изъ нашихъ добрыхъ сосѣдей, выражаясь нѣмецкой поговоркой: „была зарыта собака“...

Впрочемъ, объ этомъ ниже, а пока возвращаюсь къ рауту 2 сентября у Кіамиль-паши.

Г л а в а XXVI.

Итакъ, Мурадъ V, процарствовалъ ровно 3 мѣсяца и еще одинъ день, ушелъ съ политической сцены, блеснувъ на ней яркимъ метеоромъ, и угасъ такъ же, какъ это огненное явленіе въ темной глубинѣ пространства. Его запрятали въ роскошную, великолѣпную тюрьму, Чираганскій дворецъ, окружили женщинами, евнухами, шпионами и внушительнымъ по численности карауломъ изъ албанцевъ, черкесовъ, арнаутовъ, вейбековъ—туркамъ Абдуль-Гамидъ просто не вѣрилъ, и къ охранѣ своей личности никогда ихъ не допускалъ: онъ твердо помнилъ, что туалетная вещьца его замученнаго дяди могла бы пригодиться и для него...

Къ сказанному времени пылъ увлеченія федераціей Архипелага уже замѣтно поостылъ въ дѣловой прозѣ жизни населенія Хіоса; но

громъ пушекъ 31 августа разбудилъ дремавшія страсти, и все опять перемѣшалось въ хаосѣ политиканства.

Вечеромъ 2 сентября мы отправились на раутъ; въ приѣмномъ залѣ конака было душно и чрезвычайно тѣсно благодаря необычайному наплыву прїѣзжихъ изъ Чесмы, Самоса, Лемноса, Патмоса и съ острововъ, подвластныхъ хіосскому вилайету, приглашенныхъ Кіамиль-пашою для участія въ торжествѣ.

Мнѣ даже не удалось раскланяться съ хозяиномъ дома, такъ какъ добраться къ нему не имѣлось никакой возможности. Слѣдуя за теченіемъ массы въ толпѣ, я невольно уходила впередъ отъ тети Магіе и, продвигаясь все дальше, попала такимъ образомъ въ галерею, куда выходилъ рядъ дверей изъ канцеляріи губернатора ¹⁾. Здѣсь было не такъ людно и прохладнѣе, чѣмъ въ залахъ.

Вдругъ какая-то посторонняя сила, чего я никогда не могла себѣ объяснить, безъ всякаго участія моей воли и сознанія толкнула меня къ одному изъ оконъ съ глубокой нишей или, выражаясь правильно, съ тѣмъ, что мы называемъ „фонарикомъ“—излюбленное архитектурное добавленіе на Востокѣ. И вотъ тамъ, въ невѣрномъ освѣщеніи красныхъ и зеленыхъ лампіоновъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ, я увидѣла, наконецъ, Тафти: онъ стоялъ у открытой рамы и курилъ сигару. Не размышляя и не помня себя отъ жестокаго волненія, я бросилась туда, къ нему; но холодный, сухой взглядъ былъ отвѣтомъ на мой горячій неудержимый порывъ...

— Только не здѣсь, убѣдительно прошу васъ! Нельзя ли также безъ эффектовъ на глазахъ у людей?...—въ рѣзкой, довольно грубой интонаціи произнесъ онъ и, нервнымъ движеніемъ отстранивъ меня, направился къ выходу въ корридоръ, соединявшій, какъ мнѣ было хорошо извѣстно, галерею съ флигелемъ, гдѣ помещался кабинетъ Вафиръ-бея, его пріятеля и задушевнаго друга.

Маневръ Тафти я поняла. А такъ какъ любовь всегда находчива, то мнѣ и удалось, не привлекая къ себѣ вниманія публики, скользнуть туда же вслѣдъ за нимъ.

Я догнала его въ тотъ именно моментъ, когда онъ уже открывалъ двери въ канцелярію секретаря:

— Пожалуйста!—съ аффектированной торжественностью, пропуская меня впередъ, сказалъ Тафти и угрюмо добавилъ:

— На скромность моего друга можете рассчитывать вполне.

Комната, куда мы вошли, освѣщалась лампой, горѣвшей на

---

¹⁾ Въ губернаторскихъ конакахъ обыкновенно сосредоточены всѣ учрежденія вилайета.

столъ, заваленномъ грудами бумагъ, въ которыхъ Вафиръ-бей торопливо разбирался.

Ни малѣйшаго удивленія не отразилось въ его чертахъ, когда наши глаза встрѣтились, а напротивъ мнѣ даже показалось, что ему было еще раньше извѣстно объ этомъ. Минуту—другую спустя онъ вышелъ, захвативъ какой-то портфель, и мы остались вдвоемъ.

— Если не ошибаюсь вамъ, кажется, угодно рассказать мнѣ о вашихъ странствіяхъ во всѣ концы земного шара—не такъ ли? Интересно! проговорилъ онъ, насмѣшливо улыбаясь и раскланиваясь передо мной съ дѣланной церемонностью.

— Тафти, мой обожаемый, ты сердишься, но за что? за что? Ты разлюбилъ уже меня?! А! вотъ она твоя любовь и твоя клятва?!—спрашивала я, глотая слезы и протягивая руки, чтобы обнять его.

Онъ повернулъ ко мнѣ лицо, искаженное злобой, хотѣлъ что-то сказать, но голосъ у него сорвался.

Секунду длилось молчаніе, и это мгновеніе пронеслось надо мной кошмарнымъ сномъ...

Наконецъ, повидимому, Тафти овладѣлъ собой: бѣшеная вспышка уступила вдругъ мѣсто плохо маскированной ироніи высокомернаго тона, и поразилъ меня такою рѣчью:

— Прежде всего, mademoiselle, имѣю честь напомнить вамъ, что я не хедивъ Египта, не сановникъ Оттоманской Имперіи, а только ничтожный армейскій поручикъ безъ всякой опредѣленной карьеры въ жизни и, такимъ образомъ, не партія для благородной европейки, прибывшей сюда, къ намъ, азіатамъ конечно съ болѣе широкими перспективами... Однако, почему, напримѣръ и не такъ: развѣ Чираганская англичанка лучше, красивѣй, достойнѣй васъ—о, нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ! но между тѣмъ она была любимой женой Мурада V...

— Какое дикое сравненіе!—церебила я, раздражаясь:—тамъ шахматная игра дипломатин, но здѣсь только любовь: мнѣ ровно ничего не надо, кромѣ твоего сердца!..

— Не вѣрю! не вѣрю!—стискивая зубы точно отъ сильной боли и вздрагивая, какъ въ лихорадкѣ, говорилъ Тафти:—но какъ ты сама не задыхаешься въ этой атмосферѣ лжи и коварства? Теперь моя очередь сказать тебѣ: „вотъ она, твоя любовь и твоя клятва!“ Да, именно клятва!—повторилъ онъ: —а! забыла? Ну, тогда получи ее обратно—вотъ она чего стоитъ!—и порывисто сдернувъ съ обѣихъ рукъ перчатки, онъ швырнулъ ихъ мнѣ прямо въ лицо.

— Ай!—вскрикнула я, ошеломленная, точно ударомъ бича:—ты не смѣешь оскорблять меня, дьяволь!

— Зато Измаиль-паша будетъ ангеломъ, да еще съ крыльями

изъ золота и драгоценныхъ камней! Впрочемъ, желаю вамъ успѣха, а также всякаго благополучія. Затѣмъ имѣю честь кланяться, прибавилъ онъ, дѣлая нѣсколько быстрыхъ шаговъ по направленію къ двери.

— Измаиль-паша?! Что онъ тутъ? а! вспомнила! Но нѣтъ! нѣтъ!— пролетѣла мысль, и однимъ скачкомъ черезъ всю комнату я бросилась наперерѣзъ уходившему отъ меня счастью.

— Выслушай меня, умоляю! Это кошмаръ, созданный твоею ревностью и сплетнями изъ гаремовъ: ничего подобнаго нѣтъ, да и не могло быть!—шептали мои губы, такъ какъ звуки голоса не подчинялись мнѣ, а руки обвивались вокругъ его шеи.

— Хорошо!—съ нѣкоторымъ колебаніемъ согласился онъ:—въ такомъ случаѣ потрудитесь прежде всего оправдаться, а дальше увидимъ...

Тогда любовь подсказала мнѣ все: неотразимую убѣдительность доводовъ, нѣжное чувство и правильный тонъ въ освѣщеніи факта моего путешествія въ Египетъ. Удивленный, онъ принялся расспрашивать; но тѣнь облака все еще лежала на его прелестномъ лицѣ, пока я упражнялась въ краснорѣчіи.

И вдругъ опять какая-то другая, новая сила захватила огнемъ всю мою душу.

— Нѣтъ, уже поздно бороться съ тѣмъ, что опредѣлено безвозвратно волею судьбы!—выслушавъ меня, отвѣтилъ съ глубокимъ волненіемъ Тафти:—вотъ оно и случилось!—А теперь узнай же, наконецъ,—продолжалъ онъ съ недобрымъ блескомъ въ глазахъ:—что я, потерявъ надежду быть твоимъ мужемъ, перевелся въ штабъ арміи Мухтаръ-паши и уѣзжаю на Балканы—мы расстаемся навсегда, такъ какъ война съ Россіей у насъ считается только вопросомъ дня—слѣдовательно...

Онъ не договорилъ; но мнѣ показалось, что всѣ грома небесные обрушились на мою голову...

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

